

**СОСТАВИТЕЛЬ
СБОРНИКА:
ПОЛЕЩУК ОЛЬГА**

**АВТОРЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ВАТУТИНА МАРИЯ,
ЗАМШЕВ МАКСИМ, БЕРШИН ЕФИМ,
БЕЛОХВОСТОВА ЮЛИЯ**

**ЗОЛОТАРЕВ СЕРГЕЙ, МАНОВИЧ ВАЛЕРИЯ,
НОВИКОВ ЕВГЕНИЙ, ОРЫНЯНСКАЯ ПОЛИНА,
ТЕПЛОВА ИННА, САКОВИЧ МАРИЯ, ШЕВЧЕНКО
ГАННА, ЮГАЙ ЛЕТА, БЕСЕДА ДМИТРИЙ,
ЖИВИКИНА ОЛЬГА, ЗАВИКТОРИН ВЛАДИМИР,
ИШИМЦЕВА ЕКАТЕРИНА, ДЗЯНГО АСКАР,
ПРОБСТ КРИСТИНА, САРКИЦ СЕРГЕЙ, УДАЛОВ
АЛЕКСАНДР, ХАЛТУРИН ВЛАДИМИР, ВАСИЛЬЕВ
СЕРГЕЙ**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Сергей Золотарев
Кристина Андреевна Пробст
Инна Вячеславовна Теплова
Владимир Завикторин
Юлия Борисовна Белохвостова
Евгений Борисович Новиков
Ганна Шевченко
Екатерина Ишимцева
Алексей Егорович Васильев
Мария Олеговна Ватутина
Максим Адольфович Замшев
Дана Рустамовна Курская
Сергей Саркиц
Мария Шатрова
Ефим Львович Бершин
Валеновия (Манович) Кулешенко
Полина Валерьевна Орынская
Югай Лета (Елена Федоровна)
Дмитрий Эдуардович Беседа
Ольга Семеновна Полещук
Владимир Рувимович Халтурин

Аскар Анварович Нигамедзянов
Александр Сергеевич Удалов
Поэтический батл
«В Переплет!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66848118

SelfPub; 2021

Аннотация

"Переплет" – формат поэтического батла, который зародился в "Новой школе МХАТ". В книге опубликованы произведения поэтов и актеров.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК	7
Битва при МХАТе	9
Мария Ватутина	12
Максим Замшев	16
Ефим Бершин	19
Юлия Белохвостова	23
БАТТЛ ПОЭТОВ	27
Инна Теплова	36
Ганна Шевченко	40
Евгений Новиков	44
Полина Орынянская	46
Лета Югай	51
Лера Манович	56
Мария Сакович	63
Алексей Васильев	68
Дана Курская	72
БАТТЛ АКТЕРОВ – ПОЭТОВ	88
Ольга Живикина	94
Владимир Халтурин	100
Екатерина Ишимцева	113
Дмитрий Беседа	117
Кристина Пробст	123
Александр Удалов	126

Сергей Саркиц

131

Владимир Завикторин

136

**Ольга Полещук, Алексей
Васильев, Сергей
Золотарев, Дана Курская,
Валеновия (Манович)
Кулешенко, Евгений
Новиков, Полина
Орынянская, Инна
Теплова, Мария Шатрова,
Ганна Шевченко, Югай
Лета (Елена Федоровна),
Дмитрий Беседа,
Владимир Завикторин,
Екатерина Ишимцева,
Аскар Нигамедзянов,**

«В переплёт!» проведенного на площадке «Открытые сцены МХАТ» 18 сентября 2021 года во МХАТ им. М. Горького студентами первого выпуска группы театрального продюсирования «Новой Школы МХАТ» Университета Синергия.

С любовью к участникам,
организаторы проекта «Поэтический баттл «В ПЕРЕ-
ПЛЁТ!»

Антропьев Борис, Астраханцева Любовь, Глурджидзе
Елена,

Книзель Наталия, Полещук Ольга, Размолодина Светлана
Хромова Ольга, Черкашина Валентина.

Битва при МХАТе

18 сентября 2021 года войдёт в историю МХАТ им. М. Горького как день начала новой традиции – актёрско-поэтического состязания в стихосложении.

Я на протяжении последних двадцати лет бывала на поэтических баттлах не менее шести-семи раз. Почему так мало? Потому что переваривать предыдущую вакханалию нужно было подолгу. Что обычно происходит на таких мероприятиях? Во-первых, это, скорее всего, зал со столиками, пивом или вином, с официантами и очень большим количеством зрителей. Во-вторых, это динамика и прыть конкурса, в котором предпочтение отдаётся, несомненно, напористости, нерву, экспрессии и стихотворения, и чтеца. Но дальше идёт – в-третьих. В принципе смыслы у тех авторов-участников, которые приходят на профессиональные литературные площадки, есть, и неплохие. Но лексика может быть какой угодно, в том числе обценной. О том, что про любовь к родине или про Великую Отечественную стихи там читать не будут, а будут читать стихи о чём-то пограничном между недовольством властью и недовольством жизнью, многие тоже догадываются. Зачастую стихи баттлов и слэмов шуточные, ироничные, или митинговые, или наразрываортные. Из-за этого занимательного принципа таких сражений и являются они молодёжной формой проведения досуга. Это ко-

гда поэзия превращается в обслуживающий вид искусства, как, впрочем, и многое другое в нашей жизни.

МХАТ им. М. Горького организовал баттл «с человеческим лицом». С одной стороны, МХАТ всегда являлся литературоцентричным театром. Большая часть премьер – по произведениям лучших современных российских прозаиков, в театре идут поэтические спектакли проекта «Сезон стихов» с участием корифеев и молодых авторов, с Большой сцены читают военную лирику поэтов-фронтовиков...

Сам художественный руководитель МХАТ Эдуард Бояков, а вместе с ним и его команда – ценители поэзии, которые ставят поэтические спектакли не первое десятилетие.

И поэтому баттл во МХАТ, инициированный выпускниками и студентами продюсерского отделения театрального факультета, – это прежде всего красиво и чётко организованное действо с участием поэтов и актёров, пишущих стихи достойного уровня.

Я ручаюсь, что стихи Ганны Шевченко, Сергея Золотарёва, Леты Югай, Полины Орынчанской, Даны Курской и Леры Манович покорили нашу публику. Так же, как и экспрессия Аскара Нигамедзянова, мудрая поэзия Екатерины Ишимцевой, трогательной Кристины Пробст, «маяковскость» Дмитрия Беседы и убедительная правда Владимира Завикторина, который стал победителем баттла (среди актёров).

Смею утверждать, что Владимир Завикторин – поэт, которого этот баттл открыл. Когда после выступлений я спро-

сила у него, есть ли он (его стихи) в Журнальном зале, в социальных сетях, ответ был отрицательным. Стихи Владимира есть в интернете, но ни книг, ни публикаций нет. Это значит, что мы и наша литература до сих пор были беднее на одного замечательного поэта.

А среди поэтов лучшей была Дана Курская. Её стихи – о конкретном, пока их читаешь или слушаешь, но в какой-то момент со смыслами происходит трансформация, и нас выносит на другой метафизический уровень.

В театр пришло много людей, потому что баттл «В переплёт!» сумел объединить хорошую современную поэзию и состязательный принцип. И... как оказалось, для того чтобы в зале стояла благородная благоговеющая тишина, не обязательно кричать страшилки, пугалки и вопилки. Можно придумать и другие формы привлекательной нескучной подачи поэзии, большой поэзии, до которой нужно тянуться ввысь.

Статья от 18 сентября 2021г. «Литературная газета». автор Ватутина Мария

(старейшее российское периодическое издание, основанное 1 января 1830 года

в Петербурге при ближайшем участии А.С. Пушкина.)

Мария Ватутина

Председатель жюри

Руководитель литературной части МХАТ им. М. Горького
Лауреат Волошинского конкурса 2004 г., дипломант 2006, 2007 годов, Лауреат Специальной премии «Московский счёт» 2009 г., лауреат премии «Антология», 2010 г., Лауреат Международной Волошинской премии за книгу «На той территории», 2011 г., лауреат Бунинской премии за 2012 год, премии журнала «Октябрь» за 2012 год, почетный диплом премии «Московский счет» – «Лучшие книги 2013 года», лауреат Тютчевской премии 2015 г., Победитель Конкурса «Красная площадь. Время поэтов», 2016 г. Лауреат премии «Парабола», 2017 г. Лауреат премии журнала «Этажи», 2020г.

* * *

Человек, один, другой,
Ищет землю под ногой,
Чтоб возвышенное место
И надел недорогой.

Работяги и бичи,
Бедняки и богачи
Настилают, как умеют,

Кирпичи на кирпичи.

Залепляют белизной
Мирно стену за стеной
Поднимают к небу стены
И верхушки по одной.

А теперь установи
Символ смерти и любви.
Вот и вышел дом для Бога.
Только заходи живи.

Расступился круг тетёх.
Озираясь, входит Бог.
Темновато, но согрето,
На портретах лак подсох.

Мать узнал. И всех своих.
По углам прошелся, тих.
В этом будет слушать мертвых,
В этом утешать живых.

Остается. Подошло.
Темновато, но тепло.
Изначальный свет струится
Через верхнее стекло.

* * *

Хороший мальчик. На юриста.
Нет, не встречается ни с кем.
Сидит в сети. Берет по триста,
По двести... В общем, нет проблем.

Ему бы в стаю, чтоб прибиться
К хорошим русским мужикам.
Ему бы жизни научиться,
Сама я самости не дам.

Пилила, дрелила – бывало,
Тянула воз без дураков.
Да наших всех повыбивало
Хороших русских мужиков.

Чтоб без истерики, чтоб чинно,
чтобы при нем, как при броне.
А у меня растет мужчина
Как безусловный свет в окне.

Его я вымолила слезно
И подняла. И нет проблем.
Зонт. Застегнись. Давай не поздно.
Не разговаривай ни с кем.

* * *

Не замечая тяжести, давно
Не проводя по собственному телу
Ладонью, забываешь то и дело,
Что ты – оно.

Что ты стандартный суповой набор:
Мослы да кожа с жировой подложкой.
Тебя как будто нет с твоей ладошкой,
А есть курсор.

Есть местность, переулок на большак.
Достаточно и этого, признаться,
Чтоб мыслить и с телесностью прощаться
За шагом шаг.

Привычка к боли отрицает боль.
Ты слышишь, я уже не знаю боли,
Которая живет во мне. Со мной ли
Моя любовь?

К чему я? Да, телесность. Слыша смерть,
Телесное в тебе идет на убыль,
Как дерево горящее, как уголь,
Способный пламенеть.

Максим Замшев

Член жюри поэтического баттла «В переплёт!»

Российский поэт и прозаик, Главный редактор «Литературной газеты», Председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России. Награжден медалями «Защитник Отечества», «За просветительство и благотворительность». Медалью Суворова, дипломами «Золотое перо Московии 1 степени», «Дипломом им. Станиславского» и Дипломом «За выдающийся вклад в пропаганду русской словесности». Лауреат литературных премий им. Николая Рубцова, им. Николая Гумилева, им. Дм. Кедрина, им. Александра Грибоедова.

Автор десяти поэтических книг и четырех книг прозы.

* * *

Степь – это то, что для русского взгляда легко,

Также легко умирать, если сделано дело.

Если шагать начинаешь – иди далеко,

Перемещай без любви опустевшее тело.

Если услышишь дорогу – обратно ступай,

Там тебя могут спасти, но зачем тебе, друже?

Рай на земле невозможен, а призрачный рай,

Тем, кто в аду побывал, оказался не нужен.

* * *

Ничего не получилось,
Получится не могло.
Жизнь бежала и разбилась,

Всюду битое стекло.
По стеклу ходите люди,
Пусть звучит прощальный хруст.
Без шопеновских прелюдий
Станет мир тревожно пуст.
Но теперь не до Шопена,
Жизни не было и нет.
Пена только что шипела,

А теперь лишь белый след.
Лица оспую изрыты,

Стынет Гамлета вопрос.
Всё шампанское в корыто
Вылил хмурый Дед Мороз.

* * *

Ветви бесполезные сплетают
Время, что поймать пытался взгляд.
Ангел давно не улетают,
Целый день печальные сидят

На домах, вокзалах и деревьях,
Ищут человека своего.
Если возвратятся тени древних
Расстреляют всех до одного.
Времена смешаются как фишки
В мировом жестоком казино.
Продразвёрстка, кулаки, излишки.
К чёрту всё – ведь главное кино.
Я тогда возьмусь за чашку кофе,
Как крупье бестрепетной рукой.
Ангелы гуляют по Голгофе,
Словно институтки по Тверской.
И мои страдания несметны,
Свет струится из кофейной тьмы.
Счастье в том, что ангелы бессмертны,
И несчастье, что бессмертны мы.

Ефим Бершин

Член жюри поэтического баттла «В переплёт!»

Ефим Бершин – поэт, прозаик и публицист, член Исполкома Русского ПЕН-центра, автор поэтических книг «Снег над Печорой», «Острова», «Осколок», «Поводырь дождя», «Метафора небытия», «Гранёный воздух», «Мертвое море», участник многих коллективных поэтических изданий, таких, как антология русской поэзии «Строфы века» и других. Его перу принадлежат романы «Маски духа», «Ассистент клоуна» и художественно-документальная книга о молдавско-приднестровской войне «Дикое поле». Совместно с немецким писателем Каем Элерсом Бершин принял участие в создании историко-философской книги «Метаморфозы любви. Россия – пульс мировой державы». Стихи, проза, статьи и эссе Бершина регулярно печатались и печатаются в крупнейших литературных изданиях России. На русском языке и в переводах они выходили в США, Германии, Швейцарии, Израиле, Аргентине, Румынии, Македонии.

Ефим Бершин награжден Европейской Академией Общественных наук медалью Фридриха Шиллера.

ОСЕННИЕ ЯМБЫ

1.

Собаки носят осень

во всю собачью прыть.

И листья, словно осы,
слетаются в костры,
и лес перерисован,
и в небе – решето,
и мир перелицован,
как старое пальто.

И кто вчера был в силе –
уже не бог, а – шут.

Опять по всей России
сухие листья жгут.

И дым плывет, как призрак,
в стране лесов и рек,
где призван, но не признан
блуждает имярек
бездомный, как Мессия,
которого не ждут.

Опять по всей России
сухие листья жгут.

И, вырвавшись из плена,
взошедшая со дна,
пылает, как геенна,
великая страна.

2.

Но, отражая танец
огня, сверкнет тесак.

«А кто сегодня агнец?» -
вдруг спросит Исаак
у горного отрога,
где закипает ночь.
И если нету Бога -
кто остановит нож?
И что ему ответит
угрюмый Авраам?
Как страшно воеет ветер
по скверам и дворам!
Как долго тлеют листья,
меняя век на миг,
как будто тлеют лица
товарищей моих,
и так скрипят осины,
как будто кони ржут!
Опять по всей России
сухие листья жгут
и по лесам окрестным
торопят время вспять.
Как хочется воскреснуть,
пока другие спят.

3.

Последней электричкой
осенний вечер стерт.
Бреду, сжимая спички,

раскладывать костер,
пока на лес и купол
церковный, на острог,
на бледнолицых кукол,
стоящих вдоль дорог,
на добрых и недобрых,
на поле и ручей,
на ангелоподобных
воров и палачей,
на изумленных пьяниц
нисходит благодать.

Но кто сегодня агнец –
уже не угадать.

2010

Юлия Белохвостова

Член жюри поэтического баттла «В переплёт!»

Поэт, филолог, специалист по древнерусской литературе. Член союза писателей Москвы. Автор четырех поэтических книг. «Мне не идет весна» (2012г. изд-во «Тривант», г.Троицк), «Ближний круг» (2015г., изд-во «Перо», г.Москва), «Яблоко от яблони» (2018г., изд-во «Алетейя» г.Санкт-Петербург), «Синдром Айседоры» (2020г.изд-во «Стеклограф», г.Москва). Организатор цикла поэтических вечеров «У Красного рояля» в Третьяковской галерее (2009-2012). Участник российских и международных поэтических фестивалей и конкурсов. Дипломант Международного Волошинского конкурса (2015). Призер конкурса им. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2016). Победитель конкурса «Неоставленная страна» IX Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира-2017»

– «Я благодарна организаторам поэтического баттла во МХАТе за приглашение в жюри уже потому, что смогла послушать стольких хороших поэтов. Уровень поэзии оказался очень высоким, что очень порадовало. Вторая радость – полный зал заинтересованных слушателей. Третья радость – прекрасная организация всего этого, плохо поддающегося по природе своей любой организации, процесса. И ещё радость встречи, общения, узнавания. Вот, что самое главное – это

было радостно для всех участников прекрасного события. За это большое спасибо» (Юлия Белохвостова).

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

В полудреме утренней, в тумане,
принакрывшем беспокойство вод,
"Лев Толстой" идет к своей поляне,
человек, писатель, теплоход.

Перегружен судьбами людскими,
суммой незначительных забот.
Что их на плаву удержит? Имя,
зацепившись буквами за борт.

Что им в этом имени сегодня?
Миром ли закончилась война?
Хорошо, что Волга полноводна -
не достать до илистого дна.

Только тем до сей поры и живы,
вопреки теченью и судьбе,
что старик трехпалубный двужильный
наши души тянет на себе.

Тянет эту ношу человечью,
словно записавшись в бурлаки,

и "Антону Чехову" навстречу
подает гудок взамен руки.

* * *

Прости меня. Прощай меня всегда,
когда я не права, невыносима
и изворотлива: твои слова,
как ни прицелься, пролетают мимо.

Когда я отвечаю невпопад,
ворон считаю... Снимешь туфли в холле
и перья вынимаешь из-под пят
(ты ангелов прикармливаешь, что ли?)

Когда бойкот объявит телефон
ночным звонкам и сообщениям в чате,
и освещает матовый плафон
нетронутую сторону кровати.

Когда осядет недопитый чай
на белой чашке траурной чертою –
прости меня. Всегда меня прощай,
хотя бы я прощения не стою.

* * *

Не хотелось бы только вдруг умирать, сегодня -

в чередe недописанных книг, неудач, болезней,
не надеясь уже похудеть или стать свободней,
ненавидя себя за стремление стать полезней.

Оставляя о себе на память долги и штрафы,
два пакета белья для прачечной в коридоре,
в марсианских глубинах (точнее – впадинах) шкафа
восемнадцать платьев, ещё не видевших море.

Не хотелось врасплох застигнутой быть, в домашнем,
в раздражении или паче того в обиде,
не оставив инструкций – как поступить домашним,
или паче того – кого-то из них не видя.

Мне бы день или два: причесаться и причаститься,
завещание, платье выбрать, на стол посуду...
А пока я сижу – нахохлившаяся птица,
не готова, и суетиться пока не буду.

БАТТЛ ПОЭТОВ

Сергей Золотарев

Автор книг стихов «Книга жалоб и предложений», «Линзы Шостаковича», а также в качестве поэта и прозаика не раз печатался в толстых журналах. Миссия его творчества – удивлять!

-«Мероприятие необычное. Опыт интересный. Спасибо организаторам за интерес к современной поэзии. Единственно, я уже об этом сказал, я бы не стал сравнивать профессиональных поэтов и актеров, читающих свои стихи» (Сергей Золотарев).

* * *

Наш дом находился вдали от главных

дорог и вблизи одной,

где ход совершался посредством плавных

движений коры земной.

А море лежало в пяти минутах,

и к дому вели следы

путем наложения новых гнутых

подков приливной воды.

Дождь мог показаться москитной сеткой,

зной крышею был и с тем

Анютины книги, мои ракетки

служили основой стен.

Я в кресле-качалке в ветвях ротанга

сидел на веранде, стол

усыпавшей сливой, зашедшей с фланга

и взявшей июль в котел.

Земля под ногами была ничейной,

недвижимость обросла

полезными связями – с назначением

подвоя на роль посла.

И после обеда, читая каждый

свое, выпивая тень

цветочных горшков корневою жаждой,

мы долго листали день.

За эти часы проведя бок о бок

друг с другом немало лет,

мы поняли только, насколько робок

в постели шотландский плед.

Прошедший всю школу от садовода

любителя до спеца,

я мог размотать дождевую воду

в начало ее – с конца.

И что заставляло так прыгать капли

лягушками на капот,

поздней открывалось нам в клюве цапли,

«Массандры» набравшей в рот.

Но сколько бы ни хлебнули горя,

никто его не отер.

Она приносила мне рыбу с моря,

а я разводил костер.

Ловил ее руку и, сжав запястье,

в ладонь насыпал ручей

подсолнуха, чтобы жила во власти

деталей и мелочей.

И знаешь, когда б она ни прижалась
ко мне без меня при всех,
надеюсь, что это не будет жалость —
единственный смертный грех.

ЗЕМЛЯ САННИКОВА

Выпустили нас из «обезьянника»
среди ночи. И куда теперь идти?
Тут запел один про землю Санникова,
что пылает у него в груди.
Говорит, что птицы крови устремляются
прямо в Ледовитый океан
жажды, и ничем иным являются,
как опорным пунктом первых христиан.

Говорит, тот остров как Цветаева,
что завесилась в елабужской дали
облаком сиротства, – широта его
под собой не чувствует земли.

Будь мне Далем, говорит товарищ, будь мне
Вициным,

только – кровь из носу – раздобудь
карту удивительной провинции,
где провидцы прозревают путь.

Ладно, говорю, не бзди, отчаянный,
чай, не колумнисты у руля —
остров твой как гриб качает чайный,
но и он по урождению – земля.

Остров твой имеет ту особенность,
что уж никакой Собянин не снесет
собственность, записанную в совестных
книгах – словно киноэпизод.

Образ твой – как гроб стоит хрустальный
в сказочной палатке. В гробе том
на цепях зависимости Даля
спит Олег с полузакрытым ртом.

Вечно спит в холодном изоляторе
содержанья временного – в нем,
словно кислотой в аккумуляторе,
жизни заряжается объем.

Хочешь, повиси пока над бездною.

Я схожу за водкой и вернусь.

Только придержи мне дверь подъездную,

ибо я – на тросике спускающийся груз.

Или вот тебе билеты казначейские.

Выпей. Кстати, помнишь Чумака?

Умер. Разрядился, в том значении,

что нашел покой, наверняка.

* * *

Мать отстроила дитя

без единого гвоздя.

Смерть добавила четыре.

Жизнь повисла, как кулья.

Дождь прошел и стало шире,

чем бывало до дождя.

Снег прошел все петли в мире,

как решили загодя.

Свет ушел и, уходя,

свет не выключил в квартире

свет не выключил в квартире

и не гаснет свет, хотя

раз в году дрожит, сходя.

Инна Теплова

Автор сборников стихотворений «Неслучайно», «Звучу», а также печаталась в альманахах «Зерно», «Облака» и многих других. Является соорганизатором ежегодного музыкально-поэтического марафона «Послушайте!» в г. Калуге.

– "Каждый из нас, участников первого баттла "В ПЕРЕПЛЁТ!" – невероятный счастливчик! Поделиться своими стихами и эмоциями на сцене МХАТ им. Горького бесценно. Равно как бесценно для поэта в наше время получить обратную связь от полутора сотен людей, увидеть их внимательные взгляды, услышать их искренние аплодисменты. И это только первый баттл! То ли ещё будет дальше. Хочется сказать, что размещение стихов в сети ослабило устную традицию в поэзии, но благодаря баттлу "В ПЕРЕПЛЁТ!" у нас появился шанс вернуться к самой естественной и эффективной поэтического текста. И за такой шанс я сердечно благодарю всех, благодаря чьим стараниям состоялся этот праздник слова. Счастлива быть причастной» (Инна Теплова).

Звучу

Послушай меня. Я пустой человек.

Не спеши возражать. Постарайся услышать.

Голос мой – это звон оцинкованной крыши
Под атакой дождя. Он из тех фонотек,
Где хранятся шумы пустотелых предметов,
Когда в них попадает имеющий вес
Посторонний предмет. Голос мой – это где-то
Заплутавшее эхо, словарный регресс.
Я пустой человек и звучу только если
В меня, будто в гулкий объёмный сосуд,
Льются чистые звуки и новые песни.
Послушай меня ещё пару минут.

Держусь

Утро не задалось. Я пугаюсь всего непонятного,
Режу хлеб неуклюже тупой стороной ножа,
Сыплю сахар без меры и, запинаясь, невнятно
Бормочу то, что мужу хотела давно рассказать.
Почему-то не то говорю, совершенно не то, что подума-
ла...

Я беру и роняю, беру и роняю ключи.
На работе коллега привычно блеснул чувством юмора.
Непривычно сквозь зубы цежу: «Идиот, замолчи».
По дороге домой, вскрикнув, перепугала прохожего,
Когда шарфик от ветра вспорхнул и завис у лица.
В общем, делала всё, что совсем на меня не похоже,
То, за что ежедневно привыкла людей порицать,

Но стараюсь держаться. Задумчиво слякоть осеннюю
Вытираю о коврик чужой, подпирая плечом
Дверь, надеюсь, мою и шепчу, что моё обострение
Ни при чём, ни при чём, ни при чём...

Запоминай

Прошу тебя, пользуйся, запоминай, фотографируй,
Гравируй на подкорке майские вишни, цветущие кущи.
Думай сложнее, двигайся легче, выгляди проще,
Выражайся на ощупь, ориентируйся в быстротекущем.

Время настолько хитрее тебя, что не заметишь,
Как перестанут казаться смешными серьёзные люди,
Как осознаешь полезность зонтов и дотошных соседей,
Впервые решишь разобраться во всём, докопаться до су-
ти.

Но не предавай себя, не продавай себя, не поддавайся
Порядку вещей заведённому этими взрослыми нами,
Отгоревшими нами, безмерно завистливыми существами,
Готовыми всё, что имеем, отдать за способность смеяться
И помнить, как выглядят в мае цветущие вишни.

Облик человеческий

В знойный час, когда асфальт уже дымится,
Мне прохожие мерещатся больными.
Я гляжу в их обмякающие лица –
Лица видятся слепыми и немыми.

Жар асфальта поднимается всё выше
И дрожит в автомобильном перегуде,
Но пока ещё меня способны слышать
Эти тающие призрачные люди.

Я стараюсь говорить как можно громче,
Отмечая неминуемость прохлады –
Так мне кажется. Но с губ слетает «Отче
наш...», и выздоравливают взгляды.

"Да святится..." – вот в осмысленные лица –
"Да придет" – возвращается дар речи –
"...будет воля..." – и сознание струится,
Воскрешая ясный облик человеческий.

Ганна Шевченко

Книги стихов: «Домохозяйкин блюз», «Обитатель перекрестка», «Форточка, ветер», «Путь из Орхидеи на работу». Миссия творчества – Славить жизнь и природу!

* * *

Небо из пропилена, травы из ковролина,
солнце течет акрилом сквозь бледноватый смог,
но к каблукам все так же липнет живая глина,
и рисовал округу, кажется, сам Ван Гог.

Здесь, у подъездов справа вывеска «Бизнес-ланчи»,
там, на парковке слева, Опель стоит, разбит,
вшить бы себе в петлицу сорванный одуванчик,
взять бы себе машину и не платить кредит.

Слава всем утонувшим в мутной воде кварталов,
всем, получившим ордер, въехавшим в этот мрак,
воздух ножом разрезан, чтобы на всех хватало –
здесь зародилось время с меткою «Доширак».

Солнце уходит в космос. Спи, мой район убогий,
менеджеров, кассиров, клинеров, поваров;
боги вращают Землю с помощью технологий,

вертятся шестеренки пластиковых дворов.

* * *

Дуреет город от духоты,
а в сквере, в его тиши,
стоит скамейка у той черты,
где видно, как хороши
ее металлические бока
и крашенная ламель,
и я на ней посижу пока
солнце идет на мель.

Вечерний город похож на труп –
не дышит. Но голосит
над ним завод. Из кирпичных труб
сыпется диоксид.

Вечерний город велик, могуч.
Медлительный самолет
летит туда, где обломки туч
сгрудились в кислород.

А я сижу. От чужой ходьбы
город истоптан весь,
и думаю, боже, что, если бы
скамейки не было здесь,
возможно, тут же, до темноты

калужниц расставил строй
закон замещения красоты
правильной красотой.

Спокоен город в яслях своих,
деревья стоят кругом,
дымятся сумерки, будто их
гладили утюгом.

Иду домой. По бокам – кювет
вымощенный внутри,
и стелют под ноги рваный свет
первые фонари.

* * *

Медлительно, как древняя пирога,
боками дымноватыми алея,
плывёт рассвет. Окраина. Дорога.
Век двадцать первый. Эра Водолея.

Земля нетленна, густонаселённа,
над ней столбы застыли часовые,
внутри двора от тополя до клёна
натянуты веревки бельевые.

Поэзия закончилась. Ни песню
не сочинишь, ни горестную оду.

Лишь изморось над крышами, хоть тресни,
да санкции на теплую погоду.

Мой дом выходит окнами на небо –
я на него смотреть предпочитаю,
но Бог давненько в наших сферах не был,
здесь Докинза архангелы читают.

Вот и лежу в миру материальном,
смотрю из незаправленной кровати
на то, что оказалось идеальным:
косяк двери, окно, обогреватель.

Евгений Новиков

Опубликованы работы в Журналах «Знамя», «Арион», «Москва». Миссия – Быть поездом, доставляющим людей в неведомые им города и дали!

Катамаран «Арион»

Бухта гнедая от ночи,

Всадник на ней – Арион,

Короткий, как выстрел в очи,

Пронзительный, как саксофон.

Куда ж ты спешишь, чудик, в небо без звезд, дыша;

Прибой под скалой мочалкой камушки трет, хохоча.

По палубе скачет хмельная, курортнейшая молодежь,

Алая и золотая, гибкая, словно нож.

И рядом – белки кретина, надломленного коньяком,

А там, под водой – тина, моряцкие кости, и мины давно отгремевший гром.

Куда ж ты спешил, чудик, по имени Арион,

Потешный крымский кораблик из канувших в Лету времен.

Прогулка с любимой

Ну, что ж, любимая, извольте на прогулку,

Уже прошло пять миллиардов лет

С тех пор, как по калининским проулкам
Мы к Волге шли и встретили рассвет.
Звенели птицы, и шаги звенели,
Фонтан блестел для наших только глаз,
Пять миллиардов лет пройти с тех пор посмели,
В сухую известь превратили нас.
Земля сторела, солнце отпылало,
И мы летим невидимой пылью
Туда, куда еще не долетала
Душа моя, узнавшая покой.
Мы, предки наши и потомки от потомков
Струимся мирно в звездном далеке,
Занятная прогулка, как когда-то
По улочкам к сверкающей реке.

На даче

Бросил камешек в реку -
Кругов наплодил с полдюжины.
Кромкой воды человеку
Пятку лизнул, а не нужно бы.
Сорвал с зеленой тростинки
Рыбам на корм жука.
Где-то поет пластинка,
Куда-то летят облака.

Полина Орынянская

Автор сборников «Придумайте мне имя», «Мое средневековье», «Рыба моя золотая» и других. Участник телепроекта «Вечерний Дилижанс», Диалоги Клуба поэзии в доме-музее Цветаевой, ее творческий вечер состоялся в ЦДЛ в 2019 году.

Четыре зелёных свистка

Налей мне. Я, в общем, особо не пью,

но дело такое – тоска.

Ты знаешь, она прорастает, как выюн,

когда поезда, уползая, дают

четыре зелёных свистка.

И тот, кто отчалил, – счастливый дурак –

немедленно стелет постель.

А ты аутсайдер, и дело табак,
ты сборщик полночного лая собак,
хозяин пустынных земель.

Ты делаешь пару дурацких шагов...

Так нужно – и машешь вослед.

А там календарь полчаса как другой,
ребёнок над чаем качает ногой
и время открыть туалет.

И поезд как будто проходит насквозь,
оставив в груди пролом.

Такая досада, беспомощность, злость
на это ночное холодное врозь,

на тёмный пустующий дом...

А там – красота, огоньки среди полей

и тянет прохладой сырой...

Ты знаешь, давай-ка налей по второй.

И сразу по третьей налей.

XX плюс

Бывает, память тянется, как нить

из ветхой кофты, вязаной в том веке.

Конечно, позабыть нельзя хранить,

и всё такое... Помнишь чебуреки

на Черкизоне? Дьявольский фастфуд

в горелом масле – бешеные бабки.

Напёрсточников тоненькие лапки.

Ты столько слил им. Ладно, что уж тут...

Вот так и я. Варёную джинсу,
ликёры и трёхдверные восьмёрки
несу по жизни в памяти, несу.

И эти захламлённые задворки
то наказаньем кажутся, то нет –
как будто бы они родили свет
в конце туннеля. И (прости мне, грубо)
пусть позади всё так же дышит мгла,
я выбралась, я выжила, смогла,
и хрен им в зубы.

Хотелось бы забыть те времена,
на самом деле.

У каждого из нас своя война,
свои фантомы и своё похмелье.

И так чертовски тошно быть людьми
с бэкграундом весёлых девяностых.

Но мы их пережили, чёрт возьми.

А память – просто
всё тянется и тянется, как нить.

Сижу, в клубок мотаю, а какой мне?

Конечно, позабыть нельзя хранить,
и всё такое...

Лета Югай

Автор нескольких поэтических книг, Лауреат независимой литературной премии «Дебют», Автор пьесы «Эвридика» (спектакль Вологодского Театра танца Постникова), доцент факультета Либерал Артс Института общественных наук РАНХиГС.

«Поучаствовать в баттле «В Переплёт» – прекрасный опыт. Мне кажется, интересно, когда в одном мероприятии встречаются люди с непохожей поэтикой и образом. 18 сентября было именно так: даже отличительные платки каждый повязывал или держал по-своему. И эта галерея образов в чём-то была очень цельной. Была рада встрече с друзьями и знакомству с новыми людьми!» (Лета Югай).

Сотрудники

У Никодима были сотрудники,

Всё за него делали.

Огород – ни травинки, ни прутика,

Вся изба от мытья белая.

Ненароком заглянешь домой —

В доме всё кипит от работы,

Ходит будто само собой.

(Что хорошего, сплюнь, да что ты!)

Подопрёт спиною забор,
Хлеба им наломает в крошку —
А они все как на подбор,
Те сотрудники, ростом с кошку.
В сапогах и в рубашках синих,
Что солдаты иль гимназисты.
Ну а мордочки-то крысиные,
Рожки маленькие, неказистые.
Уж как он их отдать хотел,
Соберёт, завяжет в тряпицу
«На, бери!». Из-за этих дел
С ним никто и не стал водиться.
Так и помер совсем один.
На дороге нашёл прохожий:
Посинел, лежит Никодим,
Только ходят бугры под кожей.
Пригляделся – Господи свят! —
Гимназисты-те влезли в тело,
И грызут его, шевелят:
Дай нам дело, дело нам, дело...

РУСАЛКА

У нас сейчас в Яхреньге русалок нет.
Русалки-ти в больших реках, в Сухоне все.
Вот говорили, деда моего дед
Поймал такую рыбину в сеть,

Хотят они делать пирог ли что,
Лежит она в сеньях ли где.
Вдруг бабы в крик: «Что взял в воде,
Отнеси назад, пропадём а то!»
Дед пошёл проверить: открывает рот,
«Положи, где взял», говорит рыба-та!
Отпустил, где река выходит на поворот,
Было глубже тогда, совсем глубота...
... А над всей деревнею ночь бела,
Рассыпаются птицы – велик и мал.
А под берегом всплеск – то ли ком упал,
То ли Рыба из Сухоны заплыла.

ГОРЮЩИЦА

1

Думала: «Господи, поште он умер?
Ште бы показался, ште бы пришел».
Дума-то дурная, молодая еще,
Много силы в этакой думе.

Вот я иду на погост, а там
Гроб качается у церковной крыши,
Поднимается выше, к самым крестам.
Но спустился, милый из гроба вышел.

«Коля, – зареву, – пойдем домой!» -

«А пойдём, Только отпрошусь у начальника одного».
Вот мы заходим в казенный дом.
Двери, коридоры – и никого.

Двери, коридоры и кабинет.
Там мужик – красивый, рубаха белая.
«Ште, – реву, – ну как? Отпустили, нет?
Как я без тебя? Ште теперь мне делать?»

«Не реви, – говорит он, – бежим скорей».
Побежали мы через лес и поле,
Крепко руки сжав до самых дверей,
Вот уж дом, порог – глянь, а нету Коли.

Просыпаюсь я. Свекровь смотрит строго,
На дворе уж рассвет, пора начинать дела.
«Матушка, – говорю, – ведь Колю вела-вела,
На крылечке он, да не перейти порога».

2

Слышу в первую ночь: ходит он по избе.
Я прижала к груди младшего паренечка.
Походил, ушел. Я молчу, при себе
Свою думу держу, свою смутную ночку.

На вторую пришел, полом скрипит,

Да уж стал задевать меня, гладить стал со спины,
Обхватила сына. Свекровь с ребятами спит,
Да блестит подоконник в свете мертвой луны.

В третью ночку опять, и ложиться стал.
Так тихонько ложится ко мне, обниматься хочет.
Побежала к тетке я, в дом у моста:
«Ведь приходит Коля мой, уже три ночи!»

«Душегубица! – тетка как закричит. – Ксти.
Двери, окна, порог. Ште надумала?! Ой, беда, беда...»
Нашептала мне: «Отпусти его, отпусти».
И уж больше не приходил. Не было никогда.

Из книги «Забыть-река», Воймега, 2015

Лера Манович

Реализованные проекты – Спектакль “Москва – открытый город”, участник в Спектакле “Немец”, автор Короткометражный фильм “Последний этаж”. На поэтический баттл «В переплёт!» она пришла с целью – «Найти своих и успокоиться.»

«Что касается мероприятия, то я очень благодарна организаторам, за возможность участия. Это был отличный тренинг публичных выступлений. Потом еще три дня бубнила вслух стихи и не могла остановиться. :) Кроме того, я пересмотрела свои взгляды на силлабо-тонику в общем, и на себя в ней в частности. Было тепло, уютно, классно! Спасибо!» (Лера Манович).

стояли и курили, ждали чуда
но осень желтый выдала билет
покоя нет, и счастья тоже нет
мне б просто унести себя отсюда

троллейбус полз по мокрой мостовой
и шевелил ленивыми рогами
чужие угощали пирогами

своим хватало просто, что живой

любовь текла в израненном стволе
томилась в хирургических отходах
свистела в легких мертвых пароклодов
и окликала лезвием в спине

в надломе поднебесной тетивы
тугую книгу мальчик раскрывает
и снова упоительно читает
мол, жили-были
кто-то
но не мы

когда меж огородов дач и вилл
бродило лето бедрами качая
тебя любила я и ты любил
и шевелились лодки на причале
и темный колебался водоем
и ласточки так низко гнезда вили
мы шли на нерест – люди нас палили
как двух б... под красным фонарем
так дерни, милый, выдави стекло
к чему нам пасторальные картины
гарпун держать ровней поможет спину

согреет пульс электроволокно
пока на кафедре физических наук
какая-нибудь Белла или Ада
не зафиксирует реакцию распада
стучи хвостом, мой серебристый друг

Вот человек подходит в форме
И обращается по форме
Пока стоишь ты на платформе
От лета позднего дурея
Мы все болеем в легкой форме
И иногда в тяжелой форме
И в милицейской даже форме
Болеем

ЛЕРУА МЕРЛЕН

Не вела обманом к алтарю,
Не пила и даже не курила,
Так за что как мертвая стою
Над палитрой краски Тикурилла?
Если бы почувствовать ты смог
Как смертельно каждый выбор тяжек
Он взрывает мой усталый мозг
На 500 окрашенных бумажек
Мрут во мне писатель и поэт

И звезда пусть небольшой, но сцены
На один вопрос ищу ответ:
В тот ли тон покрасила я стены.
Жизнь моя проносится звеня
Как тележка с красками и тленом
Ты спаси. Ты пронеси меня
Через кассы Леруа Мерлена.

HIT THE ROAD JACK

Помню, как мама вернулась из Геленджика
Загорелая, белозубая
В новом синем купальнике
с завышенными бедрами
отец поставил пластинку
и она ходила по советскому паласу
туда-сюда
под песню Hit the road Jack
а мы с отцом ничего не могли сказать
просто смотрели на нее
открыв рот
а она улыбалась нам снисходительно
как американская кинозвезда.
Потом по межгороду
Нам долго звонил мужчина
Илья Михайлович
С которым они познакомились

в Геленджике

он всегда здоровался с отцом

и со мной

а потом часами пел ей что-то в трубку

у него был оперный баритон

и еще он вышивал гладью

так сказала, сияя, мама

Потом пришла зима и перестройка

Мама ходила в старом пальто

с вытертым воротником

Отец уезжал по вечерам

У мамы началась экзема

Отец уезжал

Мама чесалась

Я примерила купальник

Пока никого не было дома

я была хреновой ветвью

женской эволюции.

Зато я знаю способ

помнить все это

спустя тридцать лет

даже нитку на ковре

и как у отца блестели глаза.

все остальное

неважно

потому что музыка

в той комнате
до сих пор
играет

ТЕМА – ОСЕНЬ

Не пропадай. В какой унылый край
Земная ось качнула это лето?
И почему-то женщин очень жаль,
Когда их сумочки подобраны по цвету
К плащу. Печален неба свод,
И листья каждой жилкой кровоточат
И всё желтеет, тлеет и гниет,
Но сдаться увяданию не хочет.
Ты плачешь оттого, что ты живой,
А всё прошло. Пчелою пролетело.
Так плачет дерево под медленной пилой,
Цилиндрами своё теряя тело,
Так плачет мать, кроватку теребя,
Невыбранное имя повторяя,
И я как никогда люблю тебя,
И я как никогда тебя теряю.

Лето отпели,
Все возвращались с дач,
Август как призрак
Скорбно стоял позади
Ты мне сказал:
Очень красивый плащ,
Тронул за пуговицу
На груди...
Я не забуду
Тамбура ржавый пол
На запотевшем стекле
Надпись: «Марина – б...»
Падает осень
Зрелым плодом на стол
Будто за лето
Хочет
Долги отдать

Мария Сакович

Автор сборника стихов «Стихи напоказ», организатор фестиваля «Весенние ристания».

* * *

Нет смысла свиньям бисер метать под дых:
Я, очевидно, люблю тебя, ты – молодых.
Я собираю пальцы в кулак, протягиваю к огню,
Спешу за тобой, но уже поняла – не догоню.
Я осознала – ветер нельзя запихнуть в карман,
Все эти кармы, сети дьявола – самообман.
Самоназначенных секретарей наших любовных дел
Я увольняю радостно – ты же ведь так хотел.
Самопожертвовать временем больше не потяну.
Ты неба касаешься теменем, я же иду ко дну,
Нет трепыхаться силы. Хватит. Хлебни вина.
Я уже расплатилась за нас двоих сполна.

А потом будет осень и дивный зеленый чай,
Аромат корицы и длинные вечера.
Огонек свечи и капусты большой кочан -
Припасла для щей. Обещала сварить вчера.
А потом был дождь и тоскливо-прекрасный день.

Много слёз и слов, мало времени и тепла.
Я пишу стихи будто вилами на воде,
И немного прозой подчеркиваю стори-лав.
А потом... потом было холодно и тоска.
Я стою на дне этой осени, жду тебя.
Хорошо, что я в резиновых сапогах,
Простою хоть век пристанищем голубям.

Да поможет мне Бог и себя, и тебя сберечь
От ненужных, безумных, сумбурных и редких встреч,
От бессмысленных слов, что ложатся, как ил, на дно
Моей памяти, убеждая, что всё равно
В этих встречах нет ни огня, ни хотя бы пыла -
Было всё, но теперь остыло,
И из этих остывших щепок нам уже не сложить костра -
Оставайся с миром, милый, а мне пора.

В моем одиночестве нас всегда больше двух.
Этой третьей имя я пока не решаюсь вслух
Объявить, хотя иногда срывается, как сугроб.
Ее имя для нас с тобой – гвоздь в гроб.
В моем одиночестве ты никогда не ты.
Я бы лучше тебе оставила толику пустоты,
Но в голове одно – ты снова не один.

И невозможно высказать, как ты необходим.
Кровью в глаза бросается, что сообщений нет.
Я бы тебя спросила, только боюсь в ответ
Правду твою услышать. Лучше уж так, молчком.
Кажется, пришло время учиться вязать крючком...

* * *

Что, Маша, жизнь – игра? Поняла ты это?
Расскажи в стихах, что ты делала этим летом?
Напиши прожилками мокрых листьев жёлтых,
Как ты маялась от жары, посылала всё это к чёрту,
Как подола грядки, загорала до одуренья,
Как ловила ртом капли пряного вдохновенья,
Как ныряла в заводи и искала там жемчуг строк,
Как молилась в прохладе храма, уповая, что Бог не строг,
Как настал сентябрь, уничтоживший весь запал.
И ты едешь опять в Москву по скелетам шпал,
Понимая, что осень эта станет боем с самой судьбой.
Пусть хранит тебя память лета от полночных бесед с собой,
Пусть ты вспомнишь прохладу храма и что Бог твой всё так же строг,
Да не смоеет загара шрамы дождь сентябрьский в водосток...

Вот – кладу заварку в льдинка чайника, и он тает.
Не прошу, не хочу, не жалко. Литр чая – и мне хватает.

И если мой путь не прям и не прост,
Как Бродский нам завещал,
Но всё же найдется когда-то мост,
Покажется и причал.

Надежда руки к огню в груди
Протянет, дрожа от слёз,
И теплый ветер шепнет – иди
По этой дороге звёзд.

А там, у львино-кошачьих врат,
быть может, и бос и гол,
Меня дождешься ты через ад,
уткнешься лицом в подол

И тихо скажешь – ну вот и ты,
Всё-таки добрела...
И я узнаю твои черты,
Обугленные дотла.

Если нельзя мне идти с тобой, то посоветуй – с кем?
Я не ищу покоя, после шести не ем,
Не пытаюсь построить счастье здесь и сейчас с нуля,

Просто бегу, как крыса, с тонущего корабля.
Если нельзя переступить черту и снова смотреть в глаза,
То объясни хотя бы – а почему нельзя?
Незачем тратить время, коего и так не вагон?
Но было же раньше можно, был раньше тела звон,
Шёпот и пустота где-то в районе желудка...
Бабочки просочились в рёберные промежутки,
Вырвались на свободу и корчатся на огне.
Ты не со мной, но всё же ты навсегда во мне.

Твой взгляд вроде ласковый, и тут же скользит мимо.
Я в эти дни царствую над бессонницами твоими.
Взгляд, как змея, жалящий, как стрекоза – в кусты.
Не обижай жалостью. Дай мне слегка остыть.
Взгляд, словно теплым пледом кутающий колени -
Взгляд, идущий следом поступью поколений,
Ранящий и целящий... мне ненавистный взгляд.
Ты один настоящий. И не смотри назад.

Алексей Васильев

Поэт, фотограф, международный модельный скаут. Открыл для мира прекрасных моделей Наталью Водянову, Ольгу Куриленко, Ирину Шейк и других. Миссия творчества – Находить отклик слушателей и способствовать творческому развитию других.

* * *

Метафизических бутылок,
Испитых, понятийный ряд
Ментально понятых опилок
В мозгу наличие. И подряд

Рукой написанные строки,
Метафизической рукой
В судьбой подаренные сроки,
Скупой отмеренных судьбой

Каков ещё набор поэта
Чем он творит свой беспредел
В своё осознанное лето
В отрыве от текущих дел

Главу воздев в иллюминатор

Башкою космос ощутив
Словесноватый терминатор
Везде взыскующий мотив

Готовый в выси устремиться
Как и в пучины низко пасть
Единственно чего страшиться -
Молчания постичь напасть

У вдохновения заложник
У сонма муз своих в плену
Души своей фотохудожник,
Заметить я не премину

Каков весь твой инструментарий?
Чего желательно вполне?
Единственный парламентарий
В своей же собственной войне

В несоблюденьи неприличий
В их соблюденьи антитез
Блюститель явственных отличий
От прочих разных поэтесс

И от других иных поэтов
Никто не равен никому

Создатель пламенных приветов
Кому завещанных заветов...
Известно Богу одному

PS. Сей может быть субъект занятен
Когда в одежде он опрятен
Возможно даже деликатен
Потенциально необъятен
И перед Вами он стоит
Членораздельных отсебятин
Стихи стихами говорит...

* * *

Хитрое или зелёное?
Хрупкое или же в клеточку?
Как мне, эх, самому понять -
Что взять, да на заметочку?

Чем мне пришло проникнуться
Времячко или понятыце,
Кинуться на защиточку
Чьего кружевного платыца?

Мне предстоит герою как
Хоть бы какого эпоса
И отстоять значение

Логоса, пафоса, эроса!

Осень / Экспромт

Осень приходит однажды

Или который год

Ничто не бывает дважды

Значит нас что-то ждёт

Новое, не такое

Что было уже не раз

Понять бы – оно какое?

Я, не смыкая глаз

Смотрю на осеннюю хмарность

Поздний рассвет блюда

Возможно предчувствуя радость

Заранее её любя

Дана Курская

Победитель поэтического баттла «В ПЕРЕПЛЕТ!» в группе поэтов

Автор книг стихов "Ничего личного" (М:2016), "Дача показаний" (М:2018), и "Средство от земли", Организатор Международного Ежегодного фестиваля современной поэзии MyFest майфест, Основатель Международной поэтической премии MyPrize, майпрайс, Главный редактор литературного журнала "ДК". Миссия творчества – «Я не могу иначе»!

Ни одного тревожного симптома

мой папа был мужчина в цвете сил

он пел «трава, трава, трава у дома»

и джинсы белоснежные носил

в любой машине глохнет карбюратор

и папе не допеть до февраля

земля видна в его иллюминатор

холодная и рыхлая земля

я помню, как он грузится в ракету

как все рыдают вплоть до темноты

над космодромом проплывает лето

и звездный дождь сочится на кресты

и тот, кто хит про нашу землю создал,

пускает папу в радостный полёт

и вот отец летит навстречу звездам

и песню он ту самую поёт

и видится что близко и знакомо

и слышатся любимые слова

и снится нам не рокот космодрома

не эта ледяная синева

Памяти морской свинки Сафизы

Прости меня, Сафиза, – все умрут.

Двулапым – свет в тоннеле брызнет искрой.

У особой поменьше свой маршрут –

Но тоже замечательный и быстрый.

Как лапками ты не перебирай,

как мордочкой в матрасик свой не тычься,

за прутьями сияет скорый Рай,

где коготки прилежно будут стричься,

где никогда не заболит живот,

и где дадут сенца любой раззяве.

Скачи в опилках, но уже вот-вот

тебя обнимет главный твой хозяин.

Никто из тех, что носом вертит тут,

не избежит печального сюрприза.

И свинки, и несвинки – все умрут.

Мы все умрем. Прости меня, Сафиза.

там на кладбище – не они вообще

а они теперь – возле пастбища

очень светлый луг – посох стук да стук

и растет полынь или дикий лук

и большой пастух – он такой большой

разливает всем молока ковшом

и такой большой этот общий ковш

им до слез смешно, как ты слезы льешь

в этот мой рассказ не поверить здесь

доказательств нет, ожиданье есть

но всегда вон тем – не хватает тех

не ищи в земле, посмотри наверх

Жертвам 2020 года

После пандемических грозных страстей

мы как группа украденных кем-то детей,

чудом спасшихся от судьбы,

веселились и прыгали: «Эх, твою мать!

Нас не будут, похоже, пока что карать!

Уберите на время гробы!»

А потом начались грибы.

Я не помню, кто первым повесил в фейсбук,

но пополз вдруг прохладный и лёгкий испуг

по моим непослушным рукам.

Там был вроде валуй, или, может, строчок.

А потом в голове стало вдруг горячо.

И опята пришли в инстаграм.

Это было беспечное лето грибов.

Все писали друг другу: «Ты как?» «Я здоров».

«И не в зуме увидимся скоро».

После ливней грибами кишели леса.

А потом – вроде Сашка – под водку сказал:

«Это, кстати, к войне или мору».

Очень жалко, что Сашку не слышал никто.

Да, весной было жутко, но летом зато

мы грибной отдавались охотке.

И дрожала волнушка, и плакал синяк,

когда с ножиком в лес шёл весёлый маньяк.

...Все хвалились и поОстили фотки.

Каждый вешал свой гриб в социальных сетях.

А потом некрологи пошли в новостях –

и друзья, и враги вперемешку.

Со святыми, Христе, навсегда упокой:

каждый срезал безжалостной ловкой рукой

кто груздочек, а кто сыроежку.

...Я не знаю, зачем ты меня убивал,

почему ты решил, что сейчас мой финал,

кто дал право срезать мою ножку.

Бесконечна грибница, просторна земля –

это значит, что смерть мою выдержу я,

снова вырасту понемножку.

Два ноль два, а потом ещё горестный ноль,

каждый с проигрышным счётом сыграл свою роль,

и ушёл в новый год без оглядки,

чтоб проигрывать дальше смешные бои.

...Только как вас забуду, грибы вы мои?

Подосиновики. Маслятки.

В тот вечер я решила, что уйду,

и что тебе скажу об этом прямо.

Но через час, предчувствуя беду,

вдруг загорелась крыша Нотр Дама.

Меня обуревали сто страстей,

мне надо было как-то понимать их.

Что делать с этим грузом новостей,

Парижская не знала богоматерь.

Я иногда, пожалуй, неглупа,

но это был не тот, конечно, случай.

Ведь я себе сказала: «Пуркуа па!

Расстанемся – и сразу станет лучше!»

Читал молитвы в ужасе клошар,

пока над нами разгоралась крыша,

я чувствовала сладостный пожар

в своей груди и где-то чуть пониже.

Мне грезилось, что ты начнешь орать,

и говорить, что я теряю совесть,

что хватит на страстях своих сгорать,

и что Гюго писал об этом повесть.

А я тебе отвечу, вся в слезах,
что ни за что не попрошу прощенья,
что вечность рушится у мира на глазах,
а ты всё о каких-то отношеньях.

Такой я представляла разговор,
пока огонь опять вздымался выше,
но словно это наш горел собор
на улицах весеннего Парижа.

Пылали башни и высокий свод,
что мы с тобой отстроили беспечно.

Я вспомнила начало стройработ,
как я клялась, что это будет вечным.

Собор в итоге сам себя воздвиг,

но эти стены тоже были нами.

Я вспоминала каждый общий миг,

и это был незыблемый фундамент.

И я решила – мы всегда грешим,

но, что бы ни случилось с нашим храмом,

фундамент остается нерушим -

так будет и со мной, и с Нотр Дамом.

Пускай моим пожарам нет числа,

огонь в конце концов проходит мимо.

Вот так я в этот вечер всех спасла -

и Францию, и нас с тобой, любимый.

И больше уж, конечно, не предам,
уйду замаливать всё то, что нагрешила.

Ты позвонил: «Так что там Нотр Дам?»

Ответила: «Нормально. Потушила».

Муравьиная ферма

Юлику Гуголеву

Говорят, муравьи создают уют.

В интернете ферму их продают.

Кстати, стоит всего-то семьсот рублёв.

Заведу себе, господи, муравьёв.

Стану их травой или чем кормить -

раз кого-то вздумалось заводить,

то уж будь любезен, заботься о

том, чтобы было ему светло.

Закажу эту ферму себе в четверг.

Пусть они свои тропы проложат вверх,

и у каждого будет особый путь.

Заведу муравьёв для чего-нибудь.

Зря ты улыбаешься надо мной.

Я не представляю, как жить одной.

Я не знаю, как это – без любви.

Так пускай хотя бы уж муравьи.

Вот скажи мне честно, ведь ты мой друг, -

каково творить, не запачкав рук?

Говорят, всё можно, раз мы творцы.

Пусть живут у меня жнецы.

Так красиво зовется порода их.

Вот ответь мне – когда ты кропаешь стих,

то считаешь, сколько в нем спит слоёв,

скольких стоил он муравьёв?

...За окном темнеет, привет луне,

и дождем зарастает мой двор в окне,

а у нас снова налито по сто грамм,

и пути-тропинки куда-то там.

На закуску есть зелена трава.

Пусть ноябрь вступает в свои права,

но храни от острых его краёв

муравьев своих, Господи, муравьёв.

БАТТЛ АКТЕРОВ – ПОЭТОВ

Аскар Дзянго

Актер, играет в спектаклях театров «На малой Бронной», «Практика», «Гоголь центр», снимается в кинопроектах, самый крупный «Колл-центр» и «Мир! Дружба!».

Апокалипсис лета

срывайте одежду и головы,
смело забросьте
под ваши кровати все мысли невзрачного цвета!
устройте в квартирах бардак,
ведь сегодня к вам в гости
придёт не предвещенный нам
апокалипсис
лета.

он вытеснит вас из квартир,
уничтожит сонливость,
взорвёт города нестерпимой жарой,
как снарядом,
и люди начнут раздеваться,
забыв про стыдливость,
найдя теньевые убежища
где-нибудь рядом.

одни перероют окопы в своём огороде,
другие –
любители риска –
уедут на пляжи,
где будут подбадривать
летние гимны
по моде,
лежащих под слоями крема там,
как в камуфляже.

а солнце поднимет лучей
наливной кулачище
и станет всерьёз наносить по округе
удары,
да так,
что от мира останутся лишь
пепелища,
которые нам обеспечат лесные
пожары.

когда наконец прекратятся все мученья,
обильные ливни омоют
седую планету,
и каждый ребёнок напишет потом
сочиненье

на тему

«как я пережил
апокалипсис лета».

childhood

и та молочная река среди кисельных берегов
из лего выстроенных вдоль деревьев чупа-чупсов между
дворами дел, союз-дисней, разгром невидимых врагов
ударом ветки, братья Гримм, и нет понятия "надежды",
есть только "сто пудово" в том, что говоришь, прыжки в
сугроб,

страна чудесных гаражей, беспечность, валенки и санки,
мир покемонов, вкус Love is..., и получается микроб
в рот изо рта, геройство – быть на "стрелке" с классом,

наизнанку

колготки и слова, Маршак, экстаз от dandy, не отец,
а дядя Коля дарит деньги, манту, по щучьему веленью
прогул уроков, раз два три! и ты Чак Норрис, огурец,
валяющийся на полу и не угодный к потреблению,
кикфлип, Шаинский, "I'll be back" и самый первый фильм

в 3D,

о дивный деревенский мир, пробыть полдня в универма-
ге,

зов матери "пора домой!", телячья нежность и т.д... –
все это, безусловно, есть не вынос мозга на бумаге,
а вспышки той эпохи, где

тебя уже не то, что нет..

ты – репродукция вещей, но если бы я мог в наследство оставить что-нибудь другим и через сотни тысяч лет, то это был бы только миг, и это было б только детство, как самый честный капитал, что я когда-либо нажил..

Лишь по аорте транссибирской магистрали
лишь по аорте транссибирской магистрали
находишь путь не к сердцу той страны,
где ты живешь, а к тем сердцам, едва ли
которые знакомы,
но слышны.

попутчик есть российский Санчо Панса.
и дело здесь не в преданности, но
какой-то самобытности, в нюансах
простых бесед про что-нибудь одно.

под пульс колес, мельканий в коридоре,
стакана в подстаканнике, окна
нащупываешь что-то в разговоре,
в котором не запомнишь имена..

и все располагает к диалогу:
синдром попутчика, потребности души
разнообразить скучную дорогу

и аромат заваренной лапши..

не важно – от эСВэ и до плацкарта –
везде найдешь богатство языка,
что компенсирует отсутствие азарта
привычных дел и партий в дурака..

вахтовики

студенты

иностранцы

простые семьи

зеки

дембеля

истории, рассказанные вкратце,
от анекдотов до ситуации рубля..

обрывки фраз:тринадцатое снизу...

...я в тамбур, Свет... ...блять, можно не храпеть...

...салям, абый... ...it's Russia, that's the reason...

...причем здесь Путин... ...к теще бы успеть...

сквозь вечное чу-чух чу-чух как будто
полифония жизни, организм,
растущий не по дням, а поминутно,
чей хвост – необходимый атавизм,

так от безумства до Владивостока
находишь, как сквозную благодать –
сюжеты для новелл и для тиктока
и те, что невозможно передать,

а за окном пейзажи и Кандинский,
что значит – ни аршином, ни умом,
там красота по-русски / там по-свински,
там двадцать пятым кадром милый дом,

и только проводник, зайдя украдкой,
с горячим кофе "три в одном" и дрожью рук
приносит ощущение порядка
и чувство неизбежности вокруг.

а ты всё едешь, говоря спасибо
за всё,

и понимаешь про себя,
что это все уже не часть транссиба,

что это все скорее часть тебя...

Ольга Живикина

Автор книги «Музыка о бесконечных расстояниях между людьми». Она лично выступала на сценах центральных фестивалей в 90 странах мира, читая стихи русским эмигрантам.

«Попасть в переплет! У меня получилось. Прекрасное рано или поздно обязательно происходит в жизни каждого человека, – речь о Первом поэтическом Баттле «В ПЕРЕПЛЁТ!», который состоялся 18 сентября на 8-й сцене «Открытых сцен МХАТ»!

Стихи звучали не только о милых и смешных моментах, невероятных историях знакомств, поднимались и трагические темы. Периодически участники делились своими самыми большими секретами – воспоминаниями о безбашенных поездках и деталями безответных влюбленностей.

«Авторам удалось достичь безусловного взаимопонимания со зрителем, что бывает редко. Огромное спасибо всем поэтам и актёрам за создание в зале яркого, нежного, полного надежды полноценного ощущения счастья. Отдельная благодарность всем, кто работал над проектом и помог его создать. Вы подарили нам сказку!». (Ольга Живикина)

* * *

В отделении для тяжелых
воздух особенно напряженный.
шаги в коридоре всегда важные,
настоящие, слова весомы.

даже когда весна вовсю,
клен тянет лапы в лето,
в отделении мало света.
окно нараспашку открыто ветром.
от ветра или против него.

пациенты не спят.
не пришли в себя
или ждут ответов.
в отделении для тяжелых
нехватка цвета – бирюзовая полоса
халата дежурного ангела
и зеленым фонаят приборы.

в эту ночь случится гроза.
собаки с утра поднимали носы,
смотрели на север.
он тебя заслонит собой,
он придет, ты его звал и верил.

* * *

Ты говоришь: «вот уже иду, выбегаю, вещи собрал в рюк-
зак».

нет, что ты, не отвергаю, не отговариваю, действительно
так.

не по мне убеждать, агитировать – это выше возможных
сил,

это просто тот монолог, о котором меня ты просил.

подожди, мой хороший, хоть станцию посмотри.

на таком надрыве, подъеме, который внутри,
без струны оборванной не сыграть – пропасть.

пропасть в наших реалиях, так это на раз-два-три.

на выдохе не считают фраз, на вдохе не меряют пульс,
а если ни первого, ни второго, то наступает грусть.

когда глубоко и остро – заканчиваются слова.

ты, главное, услышь меня и не бойся, не бойся, прошу,
придет тишина.

там будет много таких как ты,

в ней будут те, кем не стать тебе, и те, за которых могли
бы встать.

и даже те, у которых такая стать, что можно просто упасть
не встать,

но воздуха не хватает,

когда вот так ты собираешь вещи в походный рюкзак.

милый мой, у тебя сердце. у меня вот такая дыра внутри, в ней голубь, когда крылья он расправляет – оттого так и болит.

у него абсолютно свои пути, свой расклад и размах, я бы вырвал его, вырезал, отдал тебе или, знаешь, еще кому, да никак.

от него синяки и ссадины, а ты говоришь: «давай помажем Спасателем».

* * *

Дане Певцову

Видимо, и мне быть твоим юродивым.

негодным, непринятым, непонятым.

волшебников по нынешним меркам берут за грудки, бьют в лицо, выбрасывают в окна, притесняют в правах, наступают на пятки.

они в свою очередь осваивают самооборону, берутся за пистолет.

иначе не верят люди, думают, нет волшебников, сказки нет.

а она кругом: в каждом лучике, в каждом из нас.

насквозь пронизывает пальцы, подсвечивает слова.

до того момента, пока не запрокинешь голову вверх,
полные слез глаза. твоих дело рук, Господи?
кричать бесполезно. пресс-служба, увы, занята.
во всю фиксирует новых родившихся, записывает имена.

скажи, у тебя там стройка великая, так нужны рабы?
удобно: здесь их выращивают, а потом на тебе —
прямые поставки с Земли.

пытался понять тебя. посадил на даче укроп, поливал кис-
лотой,

приговаривал: «станешь сильным, расти большой,
устрою завтра потоп».

церковнослужитель на днях угрожал крестом.
говорил: «вера одна, покайся, один Бог,
иные религии все от бесов, Иисус лишь не плох,
закажи молебен и иди с миром подальше, лесом».

как молиться тебе и верить,
если ты весь, как есть,
с ног до головы не в пасте томатной,
не в маслах эфирных, в крови молодых.

стоишь над обрывом, болтает из стороны в сторону.
вселенная грохотом волн бьет под дых.

такие сильные руки, рубашка черная,
я тогда обнял его ночью и больше не встретил в живых.

возможно, где-то в небесном городе,
в центральном театре на старой площади ставят «Король

Лир».

тогда ты и правда выбрал лучшего,
и руки твои, Господи, не в крови.

Экспромт на тему «Осень»

у настоящей девочки дома
обязательно есть деревянный стол,
фаянсовая ваза на нем, а в ней астры.
за окном осеннее небо, она волнуется
и совсем не хочет ждать
из дома напротив кого-то.
из дома напротив кто-то
смотрит на эти астры, на свет из окна
и повторяет: «пожалуйста, будь счастлива».
настоящая девочка гасит свет и ложится спать.

Владимир Халтурин

Лауреат международных конкурсов и фестивалей, более 50 ролей в театре, актер театра МХАТ им М. Горького, более 40 ролей в кино и сериалах, артист мюзиклов, среди них 2 главные роли: Билл и Сэм в мюзикле МАММА МIA(Principal). Псевдоним – РУВИМКА. Миссия творчества – Пробуждение и постижение Бога через осознание греха, зла и добра, поиск духовных ценностей, ЧЕЛОВЕКА.

«Я считаю, проведение творческих баттлов необходимостью. Это соревновательный момент, поднимающий тонус художника, раз; традиционное действо в нашей стране историческое, где главный член жюри – сам зритель, два; возможность увидеть коллег и оценить себя, три; получить новый заряд энергии, делясь с миром своим творчеством, четыре! и, главное, – это шаг к развитию слова и поэзии глобально, что дает возможность поднять уровень культуры общества и улучшить состояние языка!» (Владимир Халтурин).

...дождь... спать, не спиться...
капля по перепонкам ушным
в жестяном ударе таится
подоконник... сон обращается в дым...

и закрытые веки дрожанием
встречают утра неяркий свет...
вчерашнего дня подражание?!
неповторимости приоритет?!

носом в струйке холодной
сквозняка, наслаждаясь, купаешься...
под одеялом уютным свободой
полусна полудня наполняешься...

и желанье творить пробуждает
забег в кофейную лавку...
понимаешь, что скоро ворвёшься в дождь
и дела пойдут на поправку.

* * *

Осень упала. Разбилась,
Как будто аквариум
Выронили...

Хлопоты, чьи-то усилия,
Монголов новейших
Вырастили...

Ватные тучи. Сгустились,
Но солнце на памяти

Яркое...

Птицы. Их словно сдунуло
Ветром... И только вороны
Каркают!

Но, если встанешь под дождь,
Лицо, запрокинув кверху,
Навстречу,

Каплям, бьющим тебя по лицу...
Такое счастье! И отчего
Ты плакал вчера
Весь вечер!?

* * *

Я лежу одиноко в кровати
И стихи на манжетах слагаю...
Вдалеке от разнузданной знати,
В тишине я покой обретаю!

Нет, не ведают люди что будет,
Утешаясь, что смыслы познали,
Кто в трудах, тех, мол, Бог не осудит,
Как бы низко они не упали.

И над всем пресловутое "надо",
Как нельзя и к чему нам стремиться...
И глашатай, открыв двери Ада,
Всё вещает по лживой странице...

Две реальности, будто девИцы,
Наклонив свои головы, хнычут...
Настоящая и надувная,
Пальцем в небо без промаха тычут!

Не лишат счастья мыслить и верить
Голос разума, жажда свободы!..
Только пыл свой попробуй умерить
И молиться, как в прежние годы...

Если золото митры, как бремя,
Если свечи сторают стыдливо...
В это полное ханжества время,
Всё, что подлинно, то и красиво!

Путь наш к истине острым пунктиром
Рвёт сердец неуёмных прямые,
Как вступить нам в согласие с миром,
Если мы уже полуживые?!

Где нам взять беззаботности счастье,

Чтоб бежать налегке по поляне,
Чтоб войны не склонялось ненастье...
Всё в любви! В ней вся правда, земляне!

Я лежу одиноко в кровати
И стихов принимаю полеты...
Словно, в сказочной Махабхарате,
Чувств и мыслей летят самолеты!..

Забайкальское советское детство

Большие половые доски
Красно-коричневые.
Запах мешковины,
Тряпки встряска...
Мальчик на фоне
Венеры Милосской
Гоняет воду
Смочив водолазку.

Мама придет,
А пол чистый
И сестра на горшочке
Сидит прилежно.
Ей два года
Ему – семь с половиной
И он намного умнее, конечно.

Он сопит и разводит слякоть.
Хорошо бы не высохло
К приходу старших.
Сестра за тряпкой
Следит увлеченно.
Туда-обратно
Самой бы так бы...

Но ей миссию брат дал важную.
То и дело бурчит под нос он что-то:
–Что значит, брата просил у мамы?
Что значит, слушайся?
Не охота!

– Я всё! – и он идёт за бумажкой,
Из тетрадки вырвав
Её разминает:
– Ну, что сидишь,
Поднимай, букашка,
Свою толстую попу,
Кряхтишь, вздыхаешь!

– Вот стал нянькой,
Девчонка-девчонкой...
Ну, что ты плачешь?

Вытереть надо!
Иди, обниму,
Не плачь, сестрёнка,
Хорошо. Люблю.
Ну, хочешь, дай сдачи!

– Пол домою
И дочек с матерью
Здесь разложу.
Самовар и пряник,
Варенье в розетки
Им положу.
Вот будет пир...
Доешь свой драник!

– Опять в слёзы,
Ладно, я сам!
Пей кефир из зелёной чашки.
Тихо
Сиди!
Звонок...
Открыл,
А там стоит мама
В красивой рубашке...

Красивая мама, запах её

В сердце нежностью
Проникает.
– Глаза закрой, прошу и всё...
(Счастье!)
– Теперь гляди,
Пусть знает!

Мамочка, это всё мы
Вдвоём,
Наташка мне тоже чуток
Помогала...
Мамочка нас расцелует, а я:
– Ложись, отдохни,
Сильно устала?!

И пока мама
С книгой в руке
На диване с сестрёнкой
"Курочку" мучит,
Я шмыг на кухню -
Ведь я большой -
Чаю налью им
На всякий случай!

И после слов:
– Дети мои,

Лучше вас нет
На белом свете!
Папу ждём.
Он – ещё в полку...

За моё
Забайкальское
детство
в ответе...

* * *

А в Москве ничего, ничего,
Ни погоды, ни места не стало,
Но московское небо учло
Наших встреч поцелуи талые.

Ничего. Даже той толкотни
Убыстрённого старого фильма,
И ожившей холодной зимы
И сигнала "забудь" на мобильном...

Сладкий запах угля и туман,
Чайный дух из гранёного плена,
И невыполненный генплан
По любви, говорят, нетленной...

Отголоски кричащей толпы,
Маячков проблесковых вспышки.
Всё о чем говорили мы
Через шпиди сотовых вышек.

Мармеладных желаний муть
И вальяжные птицы на льдине...
Позабудь, Москва, позабудь,
Раз слезам не поверишь. Отныне

Всё осталось и ничего -
На перроном просвете вокзальном.
И кружит и кричит вороньё
В небе вечной столицы сакральном...

Курортный роман

Не любите, не губите, не будИте
Лето, что висит на волоске.
Календарное развитие событий
Вас оставит греться на песке.

Ну конечно, Вы меня забудете
Да и я, по-правде говоря,
Знаю: равнодушием пригУбите
Лёгкий хмель начала сентября.

И прозрачной осени оставите
След, что исчезает на песке.
Заблудилось в лабиринте памяти
Лето, что висит на волоске.

* * *

Я уже по тебе заскучал -
две минуты как вечность прошло.
Почему же я раньше не знал,
что такое нас ждёт кино:
Как на утренней на заре
твои губы и руки – зной!
Я рассвету сказать успел,
что случилось что-то со мной.
И безмолвный мой крик затих,
в рассветных затих облаках,
на твоей спине этот стих
губами не написав.
И теперь всё моё – твоё.
И рассвет и закат – про нас.
Даже сердце моё не умрёт -
Я тобою его
спас.
И касаньем руки по виску -
словно кто-то нас расколдовал -

прогоняю былую тоску,
от которой забыл как устал...

* * *

Желанная! Живи, живи!
И желтые цветы не трогай!
В них жилы желтые мои,
В них жизни отлетевшей много.
Желаний, грешного жнивья
Уже минувшего покоса,
И жалости, где в пасти мы
Железбетонного колосса!
Но жертв любви не жалко, нет!
Животный стон они познали!
Души живительный стилет
Жестокой радости скрижали!
И благодать, и жизни жечь,
И боль животворящей сути,
Не жалко им, счастливым, петь,
Житейский поедая студень!
И в желтезне осенних грёз
Они ждут радости зелёной:
Журчанья трепетных ручьёв
И журавлей замороженных...

* * *

Ни полслова в ответ, ни ползвука,
Ни дрожащего взмаха ресницы.
Вот и стало нам имя – разлука,
Что не раз мне ещё приснится.

И как будто-бы есть надежда -
Всё исправится, всё поправимо,
Только снишься всё реже и реже,
Равнодушно проходишь мимо.

Нарисованным прошлым сжато
И пространство и даже время.
Это было давно и неправда,
Позавчера, в воскресенье...

Екатерина Ишимцева

Актриса Московского театра "Сфера", актриса кино и озвучания. Член Союза российских писателей. Автор поэтических книг "Без маски", "Слушаю дождь", "В комбинашке и бусах", "Средство от одичанки". Автор и актриса моноспектакля "Айседора" и "Айседора. Есенин. Прощай, чёрный дрозд". Дипломант премий "Золотой витязь" и "Золотой Дельвиг», «За верность слову и Отечеству». Лауреат первой Тургеневской премии "Бежин луг".

«Уже две недели прошло, как я приняла участие в поэтическом баттле "В переплёт!" во МХАТе, а потрясение всё не проходит. Это было невероятное приключение, космический выход из зоны комфорта! Но в то же время колоссальная радость от общения с прекрасными поэтами и актёрами, от очень хороших стихов. Спасибо всем, кто это придумал и осуществил. И всем участвовавшим поэтам, – за то, что так щедро делятся своим творчеством. Надеюсь, приключение выльется в новые стихи». (Екатерина Ишимцева).

Иркутск

В этом городе декабристов

В декабре такие морозы,

Что дышать только через варежку,

А монетка влипает в стекло.

Планетарий здесь – перевёртыш.
Река убегает от озера.
Буряты глядят, прищурившись, –
Им в унтах зимою тепло.

Несолёное море детства.
Омулёвая бочка славная.
Мой корабль давно на якоре
Совсем в другой стороне.

Чего я на ней не видела?
О чём я её проплакала?
Кто бы чаю с листом смородины
Заварил, как бабушка мне.

* * *

Пьяненький дождик стоит за окном.
Не устаёт – всё стучит об одном.
Я не одна: вот мой стол, вот кровать.
Я начала забывать.

Скажет когда-то мой внук номер два:
Бабушка очень любила слова.
Ставила в строчки, верила в суть.
Надо её помянуть.

Скажет когда-то мой внук номер раз:
Сколько чужих и заученных фраз
Знала бабуля. Чудная была.
Священнодействовала.

Сдвинут бокалы за сцену и муз.
Дождь успокоился. Я ему снюсь.
И размываются сны по краям.
Где буду я?

* * *

По волнам с молодым Одиссеем...
Он ещё не наполнен пространством.
Он о времени думать не хочет
И граде троянском.

А моя конопатая дочка
Переполнена шумом и летом
И о времени думать не хочет,
Засыпая с рассветом.

И они совпадут с Одиссеем
В синусоиде сна и Гомера.
Список Бродского где-то посеян...
К переменам.

Танцевали. Пели оперетту...
На метро сумели опоздать.
Муж звонил: я еду! Жди, я еду!
Но со мной случилась благодать.

Мир предстал – спокоен и безвреден.
Снег идёт. Какой же снег идёт!
И меня, как пьяного медведя,
Пьяный балалаечник ведёт.

* * *

А это я – в малиновом берете.
Ты что же, бедной Кати не узнал?
Позволь в глубоком замереть привете –
Как ты, бывало, в школе замирал.

О детях. О жене, прекрасной телом...
Потом в метро и дальше – по кольцу.
(Ну почему я шапку не надела!
Малиновый мне явно не к лицу.)

Дмитрий Беседа

Актёр. Поэт. И в творчестве, и в жизни занимает активную позицию. Свою Миссию определил своими же строчками:

"Нам выпал век не лучше и не хуже —
все это было и придёт опять.

Поэт всегда своей эпохе служит,
чтоб новый век
в нас
смог себя узнать."

Гамлету

Что скажешь, Гамлет, глядя в этот век?
Как изменились фауна и флора?
Не лучше ли уехать в Виттенберг,
чем утопать в разврате Эльсинора?
Что скажешь, Гамлет, быть или не быть?
Я не политик, в короли не мечу,
я только трагик, Гамлет, и пиит,
сыгравший все пороки челевечьи.
Ты говорил, что Дания тюрьма,
страшнейшая из всех известных тюрем?
Четыре века грязи и дерьма
добавили к актёрской партитуре.

Ты все гадал: острог или побег?
Был Лондон нехорош для эмиграций.
Не лучше ли поехать в Виттенберг,
где славит жизнь и пьянствует Гораций?
Тебе, мой принц, не выпало царить —
ты плод ума и творческих терзаний.
Своим вопросом: "Быть или не быть?"
ты мысли многих поколений занял.
Молчанье, Гамлет, это не предел.
Опять клинок надломлен, смазан ядом...
Да, на подонков мир не поредел,
а лишь пошил им новые наряды.
Четыре века сплетен и интриг,
разрушены империи и рейхи,
но только шут по прежнему игрив —
хоть труд его и стоит три копейки —
среди потех и прочей чепухи
он может зубоскалить с кровопийцей.
Осмеян шут могильщиком бухим,
оплакан шут сполна наследным принцем.
Что скажешь, Гамлет, быть или не быть?
Оставить королевство Фортинбрасам?
По книгам и камням могильных плит
до нужного ответа не добраться.
Ничто не вечно, Гамлет, это так —
и нерушимый может быть порушен,

но я переиграю этот акт
ответом "Быть" и мыслями о лучшем.

Отрывок из поэмы "Колумбиада"

Я выверну душу изнанкой в стих,
Взрежу годов коросту.
Я дитя
тех самых
"лихих"
тысяча девятьсот девяностых.
Не мучил границы штампами виз,
меняя рубли на гривну,
но я переехал случайно из
Советской в Федеративную.
Я плелся в толпе похоронных процессий
бандитов, поэтов, калек —
чернело на желтых страницах в прессе:
«Умер двадцатый век!»
Стоял у окна в родовом отделении —
я видел, как доктор вынул
из чрева историй
кричащий Миллениум.
Я резал ему пуповину.
Мы сыновья и дочери,

пришедшие на смену.
Нас чуть не обесточили
бандиты-бизнесмены.
Но мы не околели, нет! —
в бетонах разрослись,
и наше поколение
несёт другую жизнь!

Дочери

Знаешь, когда обесценился жемчуг?
Знаешь, как ветры осенние шепчут
и не шумят ручьи?
День этот в памяти красным отмечен —
стала ты главной из будущих женщин,
миру себя вручив.
С этого дня я торжественно-вечен —
с жизнью грядущего празднично венчан
вздохом твоей груди.
Мир остаётся по-прежнему желчен,
но с появлением главной из женщин
меньше он мне грубит.
Ждут тебя, милая, разные встречи,
будут пустыни закручены в смерчи,
осень уйдёт в снега.
И всё же, любимейшая из женщин,
если я тенью не буду очерчен, —

буду с тобой всегда!

Пойдём с тобой раскрашивать бульвары
следами наших стоптанных подошв!

Пойдём туда, где раньше не бывали:
под снегопад, под молнии, под дождь,

под парусами выйдем в океаны,
под облако взметнувшись, полетим

и будем петь, а звуки от гитары
раздаривать проходим по пути!

Пойдём с тобой за тридевять и больше
Земель, Меркуриев, Сатурнов и Венер,

пока наш путь случайно не окончен,
пока живут фантазии во мне,

пока в тебе мечта не очерствела,
пока в нас есть и силы, и азарт,

давай писать сюжеты без пробелов,
чтоб никогда не повернуть назад.

Дойдем с тобой плечом к плечу до самой
далекой неизведанной звезды,

и там дадим Земле радиограмму:
"Любовь и здесь оставила следы!"

Сколько глупо прожитых минут,

сколько слов, разбросанных впустую?! —
словно у меня стихи крадут,
только я совсем не протестую.
Сколько я тебя недолюбил,
недосочинил и недопонял?! —
словно гроздья огненных рябин
я искал на ландышевом поле.
Сколько ты со мной пережила,
сколько слез пролито от обиды?! —
словно африканская жара
плавилась сугробы Антарктиды.
Сколько ты ждала моей любви,
от беды оберегая с тыла?! —
словно погреба неспелых вин
ты до часа нужного хранила.
Сколько нам ещё календарей
перевесить на стене придётся?! —
словно из минувших февралей
собираем завтрашнее солнце.
Встретим вместе новую весну
самым долгим нежным поцелуем!
Сколько глупо прожитых минут,
сколько слов потрачено впустую...

Кристина Пробст

Актриса театра МХАТ им. М.Горького. Она не только актриса театра и кино, но ещё и профессиональный музыкант по классу фортепиано, вокалистка, её музыкальная группа называется «Система Станиславского». Любит читать стихи и писать!

Мировоззрения вопросы

Не хороши – не плохи.

Кто-то пишет доносы,

А кто-то пишет стихи.

В поиске верных ответов

На стороне ты чьей?

Я вот люблю поэтов,

А некоторые – стукачей.

Гордиться в общем-то нечем,

И никого не сужу...

Просто милей хорей, чем

«до сведения довожу».

Огнедышащий дикий зверь выдохнул на Снеговика...

Детство

с запахом молока

с лёгкостью уместилось в бокал

для коньяка

и пахнет теперь клопа-

ми-норные и мажорные гаммы уже с чужую борются ле-

нью

и олень в шоколаде под карамелью

ускакал без меня в сторону оленью

я больше не слышу рыбьего пенья и в парке, усаживаясь

на пень, я чувствую только тень

И день знаний теперь для меня день великой библейской
скорби,

Которую мучительно приумножаю,

мои друзья и подруги рожают

своих детишек и топот их пухлых ножек

так громогласен и весел,

что безумие прошлых песен,

тех отчаянных лесенок в небеса,

уже не имеет смысла.

И я висну

на шатких лесах впопыхах возводимого бытия

бессмысленно вопрошая

что я? куда я? зачем я? откуда я?кто я?

Порог

Ступени избитые множеством ног.
Водопроводный сток.
Весеннее несваренье дорог.
Лихорадочный людской поток
Заталкивает себя в пасть
Метро желая попасть
Домой, в центр или в страну мечты.
На вечерних проспектах дарят цветы
Сжигая невыстоенные мосты
Часовые любви! На посты!

Девочки носят мальчиков на плече
Как дополнение к шарфику и мечте
Которая, может быть, сбудется

Улица упирается в церковь
Перекреститься озябшей рукой в рукавице
Может простится...
Снова ступени считаю
Избитые множеством ног
Порог.

Александр Удалов

Актер. Играет в поэтическом спектакле МХАТ имени М. Горького «Бессмертные строки» и сам пишет стихи. Считает, что Поэзия – тонкий вид искусства, который поверх всех барьеров и преград попадает в самый центр души человеческой. Миссия: «Я хочу лечить человеческие души, оставляя там семена для перемен».

«Я был рад принимать участие в данном проекте. Каждый поэт особенный! У каждого свой стиль стихосложения, свои взгляды на этот мир, свои образы. Я получил огромный заряд энергии и мне открылись новые замыслы для будущих творений. Спасибо организаторам и всем участникам за этот подарок!» (Александр Удалов)

Длинными, длинными тропами

Длинными, длинными тропами

Мы по земле родной топаем.

Кровью залитыми стопами,

Ярко одетые робами.

Нам на экранах роботы

Трещат на любые поводы,

Отстаивая доводы:

Им нужно устроить проводы.

Меняем мы смело на мили

Всё то, что так долго хранили.
Готовы отдаться той силе,
Лишь чтобы остаться на стиле.
Закон излучает тревогу
За будущую дорогу.
Когда неустанно Бога
Мы черпаем понемногу.
Забыли мы все о главном,
Закидываясь налом.
Нас уверяли в обратном,
Что сила претит идеалам.
Что, радуясь бесполезно
Тому, что в сознание влезло,
Мы все переходим бездну,
И катимся к неизвестному. .
Где нищета и холера,
Подобраны для примера.
Подобно слогам Гомера:
"Наступит другая эра".
"Построим иные связи", -
Когда передохнут все мрази.
Души отлипнут от грязи
И соединятся в экстазе.

Человечество

Мы – человечество,

Имеющее все конечности
Для самореализации,
Гибнем в прострации.
Не живем, подобно заветам Священных предков,
А гниём в объедках,
Которые кидают нам
С праздничного стола
Правители-повара.

Обессиленные,
Ожесточённые,
Мы рисуем картины
Мира красками
Белыми,
Находясь под масками,
Пожелтелыми
От ежедневного употребления
Их в дело.

Нас пугает
Подавленность индивидуума,
Но мы не скрываем
Тем временем расы,
Показывая наличие массы
В очередях у кассы;
Кастового аппарата,

Что выдаёт препараты,
Наращивающие утраты.

Человечество
И все за человеком идущие,
Водку горькую пьющие -
Недоношенное поколение,
Каждый вечер привыкшее
К сознательному затмению.

Сущности,
Сотканые из нити
Неосознанности событий,
Объедините
Наши данности
И натолкните
Наши ноши к суше,
Где о безлюдье
Даже ночные мыши
Говорят чуть тише.

Давайте же строить замки,
Выводить пешки в дамки,
Без ключей открывать замки,
Расширять человечности рамки-
Протягиванием руки,

Ведь наши ставки так высоки!***

Сергей Саркиц

Выпускник ГИТИСа, актёр театра и кино. Пишет стихи и рисует к ним иллюстрации в узнаваемом минималистичном стиле.

Я бы хотел жить в том доме напротив,
Который своими окнами выходит как раз на твои,
Чтобы я знал час, в котором встаёшь зимой,
Подсвечивая лампой снежинки за окном,
Чтобы их было видно в темноте на фоне чёрного силуэта
дома,

Чтобы они были, выхватываемые этим светом
Из небытия сюда, к нам.

Чтобы они были. Как мы с тобой.

Я бы хотел жить в том доме напротив,
Чтобы видеть, как ты опять засиживаешься допоздна,
Забывая про кружку с недопитым чаем,
Оставляя её остывать,
Отдавать тепло, которое было предназначено для тебя,
Этой комнате, в которой так много пустоты.

Чтобы я мог видеть, как гаснет свет,
Запечатляя в памяти этот кадр.

Я бы хотел жить в том доме напротив,
Чтобы мы могли иногда остановиться и помахать друг

другу,

Чтобы доказать самим себе, что ещё не умерли.

А потом как будто бы снова умирать.

Чтобы моё лицо, перечёркнутое оконным бликом,

Было от тебя так далеко,

Что ты не смогла б ничего прочесть на нём.

И тогда я был бы спокоен.

Я бы хотел быть тем домом напротив,

Чтобы не смущать тебя своим взглядом,

Чтобы быть просто неодушевлённой конструкцией,

На которую ты не обращаешь внимания,

Которая просто стоит и является всего лишь деталью

Той повседневности, которая течёт через твои глаза,

И приедается настолько, что даже не надоедает.

Чтобы просто состоять из кирпичей и не чувствовать.

"Трамвайная остановка"

Ты помнишь, как гроыхало,

Когда мы неслись в нём по рельсам?

Раскачивала, как в море,

Путей кривизна состав.

Как спаренные вагоны

Ходили по этим маршрутам,

Кондуктор выскакивал, помнишь,

Снаружи переходил.

А может ты даже помнишь,

Как в детстве смотрел на руки,

Сжимавшие гладкий поручень,
И ногти свои разглядывал?
Поехали-ка, да съездим.
Пойдём поглядим и вспомним.
Проедем по этим железкам
И образы воскресим.
Я вышел в районе знакомом,
Пришёл к остановке трамвайной.
Там был лишь мужчина бездомный
И я у него спросил:
"Простите, а Вы не в курсе,
Когда ожидается следующий?" —
А он мне ответил с улыбкой:
"Здесь больше не ходят трамваи".
"В далёкой России"
В далёкой России, где водятся скифы...
Нет, кажется, я перепутал — не скифы, а сфинксы
(Загадочны эти слова и похожи,
Возможно, что есть там и те, и другие).
В далёкой России, где царствуют мифы,
Легенды и притчи, а не цари и
Которые правят (не бойся, их тоже,
Как всех здесь, с рождения приговорили).
В далёкой России сидишь ты на кухне —
В пространстве, где нет, и не будет господ.
Любым господам ведь на кухню дорога заказана.

Там только прислуга, зевая, жуёт.
И тихо твердит, что над башнями звёзды потухли,
Что нынче чернее их рук небосвод,
А всё, что могли бы сказать, то давно уже сказано,
И им остаётся трещать, словно лёд
Про то, что здесь водится вонь,
Про то, что здесь водится боль,
Про то, как они поперёк и вдоль,
Про то, что они в гробу видали этот парад,
Что наэлектризован электорат,
Который когда-то радовался, а теперь не рад,
Про параллели с временами реконкисты,
Про то, какие злодеи коммунисты,
Про то, что мы-де чисты, а эти нечисты,
Что сын в арифметике ни в зуб ногой,
Про те заявления, что делал де Голль,
Что ты да я – это мы с тобой,
Что им никто не даёт ответ,
Что завтрак пришёлся как раз на обед,
Что снова таблетки не принял дед...
И в кухне, где царствуют мифы и притчи,
Где сталь, алюминий, чугун или медь,
Где кофе кипит и еда подогрета,
Сидишь ты с другими и куришь в кулак.
Хоть нет между вами каких-то отличий,
Ты будешь читать здесь стихи или петь,

Как некто, кто больше певца и поэта.
В далёкой России иначе никак.

Владимир Завикторин

**Победитель поэтического баттла «В ПЕРЕПЛЁТ!»
в группе поэтов-актёров,**

**Обладатель Главного приза баттла «В ПЕРЕ-
ПЛЁТ!» – «Хрустальная Книга»**

Член Союза писателей России, автор поэтических сборников "Осколки нежности", "Здравствуй, душа моя!", книг "Полынь", "Русские исторические хроники", "Крещение Руси", "Привези мне весну", автор пьесы "Боги Олимпа и чудовища". Играет в театре, снимается в телесериалах и кино.

Государственный советник гражданской службы 1 класса.
Заслуженный артист России.

Почётный работник культуры города Москвы. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств в отделении литературного искусства и журналистики. В 2008 г. работал военным журналистом в Чечне в отряде спецназа "Ермак", Работы на телевидении: Озвучивал программу "Куклы" в 1996 г. – премия Тэффи. Работает в театре "Содружество актеров Таганки":

«Исповедь хулигана», С. Есенин, реж. В. Иванов-Таганский – Есенин и многие другие.

Премии: Первая международная премия за литературу г. Тулуза (Франция) в 2005 г. Премия Сергея Есенина – за литературу Премия "Золотое перо Московии" Премия «Золо-

тое перо Руси», 2011.

Обладатель множества награды премий. В их числе – международная премия за литературу г. Тулуза (Франция), Премия Есенина за литературу, «Золотое перо Московии», «Золотое перо Руси», медали Федерации Космонавтики России, За честь и достоинство, «Золотая Есенинская медаль», орден «Долг и честь» и многие другие. Миссия Вашего творчества: «Приносить людям радость».

Я шел сегодня мимо трех вокзалов
Вдруг бомж зовет: «поди, браток, сюда».
А после это существо сказало
Дай три рубля, беда у нас, беда.

О, интерес, как часто я влеком им,
Стремился слушать всякий сивый вздор
Вот я сажусь, кивнув им, как знакомым
И завожу неспешно разговор.

Мол, так и так, откуда сами родом?
Каким вас ветром в город занесло?
А мне в ответ: – в связи, мол, с недородом
У нас почти повымерло село.

Да, что у нас, вот, говорят по слухам,

В Старо-косой деревне, за холмом
Осталась жить всего одна старуха
И та, с тоски, враз тронулась умом.

Жратвы туда никто уж не привозит
Из дома в дом бредет живой скелет
И подаянья у деревьев просит
И листья есть на завтрак и обед.

Вот где Россия, вот он где народ
А ты «Москва, Москва моя столица...»
Вот потому с утра и пьем мы, вот.
Ну как же тут с тоски, скажи, не спиться

Давай налей, и выпьем, брат, за тех,
Которые по деревням и селам
Давно уже не ведают утех
И губят жизнь в угарище веселом.

За матерей, что молятся за нас,
За сумасшедших и за арестантов
За тех, кто добрым был хотя бы раз,
За тысячи погубленных талантов.

За жизнь и смерть, что вечно не умрут,
За юные и спившиеся лица

И за ментов, что нас с'час заберут
Пить за врагов, почти что, как молиться.

Беру стакан, смотрю в его глаза,
А в них Россия, поле с васильками.
И катится из синих глаз слеза
Хрустально разбиваясь под ногами.

Я пью за вас, чтоб знали наперед,
Что всех нас ждут прекрасные моменты
Тут кто-то меня под руку берет
«Сержант Семенов. Ваши документы».

Подарок

Посвящается сыну Даниле

Я у сына спросил, собираясь в поездку –
Что в подарок, мой милый, тебе привезти?
Если хочешь, достану я древнюю фреску –
Мне не сложно, ведь я же волшебник почти.
Хочешь мячик футбольный, хоккейную клюшку –
Пригодится, покуда ты будешь расти.
Может, хочешь рюкзак и походную кружку –
Мне не сложно, ведь я же волшебник почти.
Хочешь радугу с неба, воды с Иордана,
Хочешь с моря закат и ракушек в горсти.

Хочешь клюквы с Сибири, хурмы из Ирана –
Мне не сложно, ведь я же волшебник почти.
Хочешь карту ночного небесного свода,
Телескоп и рояль, самокат и блесну?..
«Привези мне весну сорок пятого года,
Привези мне, пожалуйста, эту весну.
В той весне – единенье и сила народа,
Вдохновенье и горечь, величье и статья.
Привези мне весну сорок пятого года.
Говорят, ее сложно сейчас отыскать...»
Так ответил мне сын, рассудив не по-детски,
А потом, усмехнувшись, сказал невпопад:
«Ты иди, а мне надо добить свой немецкий,
Про Бетховена сделать к субботе доклад.»
И девятого мая в любую погоду,
Словно в поисках счастья по миру брожу.
Все ищу я весну сорок пятого года,
И все реже и реже ее нахожу.

Невероятна подруга

Давай друг другу взглянем мы в глаза,
Давай коснемся душами друг друга.
Не отступить бы только нам назад,
Моя невероятная подруга.
Давай заменим хлопанье дверей
Своим сердечным учащенным стуком.

Давай друг к другу подойдем скорей,
Моя невероятная подруга.
Давай услышим в шорохе ветров
Не сказанное нами от испуга.
Давай с тобой найдем единый кров,
Моя невероятная подруга.
Нам только бы друг друга уберечь,
И чтобы путь не заносила вьюга.
Мы реками друг к другу будем течь,
Моя невероятная подруга.
Ты молча улыбаешься в ответ,
Но замкнут круг, не вырваться из круга.
Я опоздал, увы, на много лет,
Моя невероятная подруга.

Вот этот остров посреди реки,
И церковь, засмотревшаяся в реку,
Указывают путь, как маяки,
Плывущему по жизни человеку.
Россия – беловодная страна,
Тебя не обойти путем окольным.
Звенит в тумане вещая струна
И вечно вторит звонам колокольным.
Здесь в облака дремучие леса
Закинули зеленые одежды,

Здесь мед течет обычно по усам,
И большинство всегда живет надеждой.
Здесь нежность правят в грубое словцо,
Чтоб невзначай не выглядеть нелепо,
Здесь, как всегда, не любят подлецов
И верят Слову набожно и слепо.
По берегам здесь россыпь деревень,
Пугающих унылым запустеньем,
Благодаря за каждый Божий день,
Старухи бродят там, как будто тени.
Среди крестов отеческих могил
Здесь как-то по особому молчится
И, кажется, что где бы я ни жил,
Нельзя сюда опять не возвратиться.
Я вырос здесь и деревенский дым
Бегу глотать из городского склепа.
Туда, где церковь тихо у воды
Напомнит мне, что прожил я нелепо.